

ОТ ЦИФРЫ К ЧЕЛОВЕКУ: ВРЕМЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА?¹

© *В.И. Миськевич*

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 20.08.22

В окончательном варианте: 01.09.22

■ Для цитирования: Миськевич В.И. От цифры к человеку: время антропологического поворота? // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 3. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.3.1>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы современной социокультурной динамики. Анализируются тенденции развития социума в ситуации цвишенизма и диссипации классической системы ценностей. Обосновывается идея необходимости нового антропологического проекта. Акцентируется важность переосмысления традиционных универсалий культуры. Показана неправомерность редукционистского отождествления понятий «ум» и «интеллект». Сформулирован и проанализирован ряд насущных проблем современного образования. Выявлена тенденция рассинхронизации образования с потребностями рынка труда. Доказывается необоснованность излишнего упования на цифровые практики и дистанционное обучение в педагогическом процесс. Излагаются соображения на предмет традиционных вопросов педагогики «кого, чему и как сегодня учить».

Ключевые слова: осевое время; цвишенизм; антропологический проект; цифровое общество; ум; интеллект; искусственный интеллект; личность; образование; hard и soft skills.

FROM NUMBER TO PERSON: THE TIME OF THE ANTHROPOLOGICAL TURN?

© *V.I. Miskevich*

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 20.08.22

Revision submitted: 01.09.22

■ For citation: Miskevich V.I. From number to person: the time of the anthropological turn? *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(3):5–22. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.3.1>

Abstract. The article deals with the actual problems of modern socio-cultural dynamics. The tendencies of the development of society in the situation of zwishenism and dissipation of the classical system of values are analyzed. The idea of the need for a new anthropological project is substantiated. The importance of rethinking the traditional universals of culture is emphasized. The illegality of the reductionist identification of the concepts of «mind» and «intellect» is shown. A number of pressing problems of modern education are formulated and

¹ Статья подготовлена в рамках ГПНИ РБ на 2021–2022 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства».

analyzed. The tendency of the desynchronization of education with the needs of the labor market is revealed. The unreasonableness of excessive reliance on digital practices and distance learning in the pedagogical process is proved. The considerations on the subject of traditional questions of pedagogy «who, what and how to teach today» are presented.

Keywords: axial time; anthropological project; digital society; mind; intelligence; artificial intelligence; personality; education; hard and soft skills; zwishenism.

Название данной статьи может показаться странным, даже эпатирующим. Действительно, реальность все больше определяется таким мегатрендом, как цифровизация общественного и индивидуального сознания и бытия. В повестке дня интеллектуалов — тема «цифрового поворота в культуре». А Что и Кто за «поворотом»? Процессы, так или иначе связанные с ситуацией цвишенизма (от нем. Zwischen — между), часто именуемые антропологическим кризисом современной цивилизации, активно исследуются практически всем комплексом социально-гуманитарных наук, философией и, отчасти, естественными науками. В сегодняшней картине мира сформировались достаточно реалистичные представления о социокультурных параметрах данного кризиса, а так же их проекциях на индивидуальное человеческое существование. Суть его можно описать следующим образом. Человек всегда обустроивался в мире не только посредством материальных, но и образно-символических практик (мифа, религии, искусства, традиции). В истории культур разных эпох и народов человеческое бытие всегда мыслилось «объемно», как имеющее «корни» (традиции), так и «вершину» (Абсолют). Сегодня это бытие «сплюсилось», представляется плоскостным, т. е. бесосновным и бессмысленным. Другими словами, традиции для большинства утратили свою жизненную силу и воспринимаются массой просто как фольклор и реликвии прошлого. Они могут быть интересны туристам и на этом интересе можно делать бизнес. Что касается «вершины», то для западного человека «Бог умер» естественной кончиной еще в XIX в., а на востоке христианского мира его насильственно «похоронили» в XX в. Между тем схлопнувшийся и превратившийся в плоскость мир человеческого бытия нужно чем-то заполнять. И он заполняется — гипермаркетами, шоу-аренами, «звездами», вещами, идеологиями, рекламой, симулякрами, виртуальностями, химерами, утопиями и проч. В настоящей статье я попытаюсь еще раз всмотреться в эту тему, тему человеческого бытия, ставшего «невыносимо плоским» (слегка перефразируя М. Кундера).

Известный немецкий философ К. Ясперс сформулировал оригинальную концепцию социокультурной динамики мировых цивилизаций и структурирования истории, исходя из идеи «осевого времени» [15, с. 76–99]. Осевое время — это эпоха фундаментальных изменений в ценностно-мировоззренческих представлениях народов. Первая ось истории была «выкована» древними цивилизациями Востока (каждой для себя) — Египтом, государствами Междуречья, Индией, Китаем, Персией, Палестиной и Западом — античными греками и римлянами. Возникли политеизм и монотеизм, новые системы морали, каноны красоты в искусстве, образы человека, представления о его месте в мире и предназначении, философия, рациональное мышление, наука, право etc. Она («ось») на тысячелетия вперед определила формы правления и государственного устройства, уклад жизни людей, развитие культуры и духовный смысл

бытия этих цивилизаций. Однако к XVII в. н. э. немногие из оставшихся на арене мировой истории древневосточных обществ оказались в состоянии глубокого упадка и стагнации. Для Европы же Клио предусмотрела иной сюжет. Начиная со средневековья, а затем эпохи Возрождения, там начинается кристаллизация новая ось, теперь уже всемирной истории. Ее квинтэссенцией стало представление о человеке как свободном славном мастере, творце и гуманистическое (антропоцентрическое) мировоззрение. Инструментом ориентации и самоутверждения «славного мастера» в мире стали искусство, наука в форме математического экспериментального естествознания, техника и перманентное социальное экспериментирование. По сути, именно наука, научная революция оказалась самой фундаментальной новацией в духовном опыте эпохи. Слившись в единый поток с другими новоевропейскими революциями (промышленной, социальными), она обусловила появление нового типа цивилизации. Ее обычно называют индустриальной, или техногенной. Ценности западной цивилизации, социальные институты, экономический уклад и жизненные стандарты мало-помалу были ассимилированы другими, прежде локальными цивилизациями. Новая ось придала истории планетарное измерение, превратив ее во взаимосвязанное явление всемирно-исторического масштаба.

В настоящее время ведущие мировые державы (а с ними и весь мир) активно строят новый тип социума — постиндустриальный. Пока у него нет устоявшегося самоопределения. В публикациях разных авторов можно встретить такие дефиниции, как «информационное общество», «новое индустриальное общество второго поколения» (НИО.2), «общество знаний», «цифровое общество» и т. п. Когнитивной матрицей, на которой оно формируется, являются БНИКС-технологии и химия. Мир артефактов, человек, его окружение, социальные связи и отношения, образ жизни людей стремительно изменяются. По сути, речь идет о перспективах тотальной трансформации человеческого бытия в мире.

В этой связи резонно возникает вопрос о третьей «оси» (точнее, системе «осей» с общим центром тяготения) всемирной истории. В терминах гегелевской диалектики это можно интерпретировать как возврат к якобы старому, уже бывшему, но на более высоком витке исторического процесса. Сформировавшаяся в период второго осевого времени система ценностей (гуманизм, рационализм, свободомыслие, индивидуализм, демократия, предпринимательство, конкуренция, инновационизм, права и свободы личности, правовое государство и т. д.) в настоящее время претерпевает серьезную деконструкцию. Классические и даже постклассические представления о человеке приходят во все большее противоречие с реалиями современности. Обычный индивид просто «выпадает» из ритма и требований стремительно утверждающегося информационного общества. Комфорта и вещей становится все больше, а счастья, покоя, безопасности и смысла — меньше. Традиционные социальные ценности (семья, брак, образы мужчины и женщины, гендерные роли, отношение к труду, патриотизм, память о деяниях предков, христианское наследие и т. п.) девальвируются и извращаются. Мир перестает быть человекообразным и понятным. Индивид погружается во все большую зависимость от государства, СМИ, Интернета, гаджетов, различных идеологий, мнений «калифов на час» и т. п. Проблемой становится самоидентификация личности, возникающая

в связи с размыванием традиционных гендерных, национальных, религиозных и даже языковых маркеров. Идеология и основанная на ней практика консюмеризма, гедонизма, экологического вандализма, культурно-исторического нигилизма превратилась в *modus vivendi*, в общий тренд западного мира. Источение духовно-ценностного, социокультурного и психоэмоционального начала в «Я», межличностных отношениях, разuverенность в идеалах и смыслах, их важности в жизни индивида, подталкивает к упрощенному пониманию природы человека, его места и предназначения в универсуме.

Не в последнюю очередь это связано с иллюзиями современного научно-технологического прогресса. Сегодня за «ваяние» нового типа Номо, адекватного вызовам времени, берется наука. В фокусе интересов адептов BNICS-технологий — конструирование «постчеловека». «Постчеловек» — это уже не социокультурный феномен (как полагали мыслители прежних времен), а некий технический проект (задание). Предлагаются разные варианты его реализации — от создания почти бессмертных антропоидов и киборгов до неорганических носителей искусственного интеллекта. Посредине находим неоевгенические концепции генетического «выведения» сверхлюдей, обладающих суперспособностями и сверхвозможностями. Таким образом, на нынешнем витке исторического процесса *de facto* возникает новая искусственная реальность, относительно которой невозможно, даже с минимальной долей приближения сказать, кто и как в ней сможет обустроиться и жить даже в горизонте двух-трех поколений.

По сути, речь идет о системной перестройке (кризисе) современной цивилизации, сопровождающейся нарастающим валом витальных вызовов (экологических, демографических, социальных, технологических, антропологических и т. д.), с одной стороны, и возможностями адекватных на них ответов, причем как со стороны социума, так и отдельных индивидов — с другой. Отвлекаясь от всего многообразия причин, лежащих в его основе, акцентируем важность лишь одной. В существенной степени данный кризис связан, как неоднократно подчеркивал в своих выступлениях акад. В.С. Степин, с непроясненностью базовых мировоззренческих категорий, т. е. социетальных, ментальных и ценностно-культурных универсалий современной культуры [11, с. 486–490]. Это относится, в частности, к таким фундаментальным мировоззренческим категориям, как Бог, жизнь, смерть, смысл жизни, сознание, мышление, познание, понимание, интеллект, знание, личность, Я, свобода, истина, прогресс, мораль, социализация, образование и т. д. Все они имеют самое непосредственное отношение к бытию человека. Вот почему, всматриваясь в стремительно надвигающуюся «иную современность» (У. Бек), нужно понимать, каким человеческим, интеллектуальным, культурным капиталом «мы» (каждая конкретная страна) располагаем, каковы могут быть последствия «переселения душ» во всевозможные гибридные, дополненные и виртуальные реальности и каковы вообще перспективы самосохранения человеком своей идентичности в изменяющемся мире.

Как отмечалось выше, одной из форм манифестации кризисного положения вещей (или, если угодно, веяния времени) является и нынешняя ориентация на создание унифицированного цифрового мира. «Цифра» (Big data, информационно-компьютерные технологии) фактически превращается в инструмент

конструирования очередного «прекрасного нового мира» (О. Хаксли). Но при этом организаторы и менеджеры глобалистских цифровых проектов «умного индивидуального бытия», «умного офиса», «умного города», «умного государства», а в перспективе и «умной планеты» выносят за скобки проблемы бытия реальных, конкретных людей. Точнее, маскируют их теми несомненными благами, которые несут с собой цифровые технологии. Однако света без тени не бывает. Недвусмысленно по этому поводу (теневой стороны прогресса) высказался в своем бестселлере Ю.Н. Харари (Harari): «Есть специалисты в отдельных взятых сферах — искусственного интеллекта, нанотехнологий, Больших данных, генетики, — но нет специалистов во всем. Никто не в состоянии соединить все детали этого пазла и увидеть единую картину. Разные науки находятся в столь сложном взаимодействии, что даже самым светлым умам не дано предугадать, как прорывы в сфере искусственного интеллекта могут повлиять на нанотехнологии и обратно. Никто не может быть в курсе всех последних научных открытий, никто не в состоянии предсказать, какой будет через десять лет глобальная экономика, и ни у кого нет ключа к пониманию того, куда мы все несемся как угорелые» [17, с.63]. Действительно, куда? Неопределенность (невозможность?) ответов на этот вопрос упирается в синергетическую природу социума и его акторов. В этой связи акцентируем лишь один «момент» из общей мозаики неопределенности и нестабильности современного общественного бытия (и сознания).

Сейчас и в обозримом будущем на Земле будут жить реальные, «исторические» люди с их повседневными проблемами, запросам и нуждами. Одна из самых серьезных среди них — проблема занятости. Самоутверждение и самореализация личности, ее материальное, социальное и психологическое благополучие связаны в первую очередь с трудовой деятельностью, материальным достатком, мобильностью и финансовой независимостью, а также теми социальными институтами и общей благоприятной средой, которые этому содействуют. Вместе с тем проблема занятости сегодня становится одной из острейших. Она обусловлена объективной тенденцией развития современной экономики — цифровизацией, широким внедрением систем искусственного интеллекта, робототехникой, стремительным формированием «третьей природы» — виртуальной реальности. Ковидная пандемия еще более ускорила данный процесс. Не за горами время, когда множество сегодняшних профессиональных занятий отомрут за ненадобностью. На Всемирном экономическом форуме (Давос, 2020) прозвучала цифра, согласно которой в ближайшие десятилетия будет автоматизировано от 9 до 50 % всех рабочих мест. Это приведет к высвобождению сотен миллионов занятых в различных секторах экономики. Алгоритмы (искусственный интеллект), роботы и автоматы вслед за сферой производства «оккупируют» сферы транспорта, услуг, правового консультирования, банковского дела, а, в перспективе, медицины, управления и программирования. Это будет происходить повсюду, во всех отраслях, где эффективность использования роботов выше, а издержки эксплуатации — ниже. Причем не исключено, что данный процесс в некий момент приобретет обвальный характер. В этой связи можно слышать: мол, такое в истории уже случалось. Будут возникать новые рабочие места, профессии, виды деятельности, формы коммуникаций, способы досуга и т. д. Однако сегодня ситуация

принципиально иная. Исчезновение рабочих мест не может быть компенсировано новыми вакансиями в формирующейся малолюдной экономике. В условиях нарастающей волны технологических инноваций «лишним» работникам перемещаться «по горизонтали» будет просто некуда. А «вертикаль» предполагает переквалификацию и переподготовку. Однако данная опция отнюдь не является простой и легко осуществимой. Цифровая экономика повышает входной барьер в сферу квалифицированного труда. Преодолеть его могут далеко не все и каждый. Остающиеся ниши труда, не поддающиеся пока автоматизации и требующие лишь базовых профессиональных знаний и навыков, не могут быть стимулами для повышения работниками интеллектуальной культуры и стремления к профессиональному и личностному росту.

Не является гарантией профессиональной успешности и высшее образование. В настоящее время в большинстве стран продолжается финансирование из государственных бюджетов обучения специалистов, чьи навыки больше не востребованы или являются избыточными на рынке труда. Как свидетельствует статистика, доля людей, работающих не по специальности, в странах ОЭСР в настоящее время составляет около трети от всех занятых; в России не по специальности в 2020 г. работало 47 % населения [5, с. 10; 14]. Парадоксальность ситуации, таким образом, в том, что образование, будучи дорогим удовольствием, как для госбюджета, так и кошельков потребителей «образовательных услуг», является во многом рассинхронизированным с потребностями рынка труда. А это сказывается на жизненных планах и траекториях выпускников, их психологическом комфорте, на кредитно-долговой нагрузке домохозяйств.

Из-за диспропорций в требуемой рынком квалифицированной рабочей силе и специалистов, с одной стороны, и реальным «предложением» системы образования — с другой, удлиняются, а то и срываются сроки выполнения государственных программ развития, что ведет к серьезным экономическим и репутационным издержкам. Так, по оценке экспертов, «ни одна из 34 технологических платформ, созданных в России, не предложила собственных прогнозов развития отдельных рыночных ниш на основе прорывных технологий» [9, с. 74]. Факт рассинхронизации функционирования системы образования и науки с запросами реальных секторов экономики ставит под сомнение также перспективы инновационного развития и Республики Беларусь. Так, наукоемкость национального ВВП составляет 0,59 %. Это значительно меньше, чем в Египте (0,72 %), Южной Африке (0,83 %), или Литве (0,94 %), не говоря уже о странах — технологических лидерах. В результате в настоящее время производительность труда в Беларуси в 4–5 раз ниже, чем в ОЭСР. [7, с. 53–54]. Таким образом, человеческий капитал, т. е. совокупность гетерогенных знаний, профессиональных компетенций, умений, навыков и других качеств, воплощенных в людях, если он не настроен на динамику социально-экономических вызовов, является часто либо не востребованным, либо избыточным.

Вызревает, стало быть, серьезнейшая проблема (наряду с множеством других) социальной дифференциации и жития-бытия завтрашних «лишних» людей. «Хлеб и зрелища», как свидетельствует опыт истории, ее не решают. Она нуждается в комплексном продумывании и разработке сценариев ее решения уже сегодня. Один из них связан с закреплением уже сложившейся традиции (практики) деления образования на элитарное и «ширпотребовское».

Проблемы статуса, роли и функционирования современного образования затрагивают в основном систему обучения второго типа. Однако и она не однородна. В ней тоже есть свои «верхний», «средний» и «нижний» слои. Поэтому вряд ли возможны (да и не нужны) некие единые стандарты и подходы ее тотального реформирования снизу доверху, во всех частностях. Хотя общие принципы трансформации, общие идеи реновации должны, конечно, быть осмыслены, поняты и экспериментально верифицированы. Некоторые конкретные соображения на сей счет будут высказаны ниже. А пока продолжим философствовать.

Любая эпоха перемен влечет за собой переоценку ценностей. Тем более эпоха глобальных перемен. Используя терминологию Ясперса, сегодня правомерно говорить о настоятельной необходимости в появлении новой ценностно-смысловой «оси» (системы «осей») всемирной истории. Увлеченность и даже головокружение от успехов чудесами цифровизации и новейших технологий как-то отодвигает в тень собственно их творца — Человека. Между тем, как представляется, именно человеческая экзистенция, или, говоря словами ап. Павла, «внутренний человек» должен стать фокусом рефлексии современного человекознания (т. е. философии, искусства, теологии, науки). Или, более строго: нужен новый антропологический проект. Подходящий девиз для него сформулировал еще К. Леви-Стросс: XXI век будет веком наук о человеке; или его не будет вообще. Заметим при этом, что будущая ось мировой истории может быть плодом только коллективных усилий Запада и Востока, Севера и Юга. А возможно это лишь в режиме и на основе диалога. Хотя в ситуации международной конфронтации, столкновений, войн, спецопераций и противоречий, раздирающих современный мир, сказанное, возможно, звучит утопично. Но, с другой стороны, иного выбора в пользу жизни и будущего нет. Далее, абстрагируясь от всего многообразия проблем, относящихся к данной теме («антропологический проект»), рассмотрим некоторые моменты, важные как с теоретической, так и практической точек зрения в контексте трансформации системы образования.

Выше речь уже шла о необходимости реинтерпретации базовых мировоззренческих универсалий. Среди них — понятия «ум», «интеллект», «искусственный интеллект». Сознание, знание, мышление, интеллект — слова, смысл которых интуитивно ясен каждому. И слыша, воспринимая их, каждый «знает», о чем идет речь. Между тем это просто лексические единицы без ясного логического содержания и четкого объема. Они из того же ряда, что и «темная материя», «темная энергия», «черная дыра», «жизнь», «Бог», «смерть» и т. п. К их числу принадлежит, как было сказано, и понятие «ум». Умный человек, развитие ума, умственные способности. Что это значит? Вряд ли кто, кроме ожидаемой банальности, скажет что-то по существу. Еще в меньшей степени качества ума определяет централизованное тестирование (в нашей стране). В философской и научной литературе нет сколько-нибудь отработанной методологии его анализа и экспликации содержания. Хотя понимание того, что данный феномен обладает весьма сложным содержанием, существовало всегда. В древней Индии в его структуре выделяли буддхи, манас и атман; в античной Греции нус (ум) трактовался как индивидуально человеческая (с различием в ее структуре модусов доксы и эпистемы), так и космическая (Логос)

сущность; в средние века св. Августин приписал человеческому уму («отщепив» от божественного) новое измерение — дух; Н. Кузанский и И. Кант подчеркивали необходимость различения ума (разума — это тонкости русского языка) и рассудка; Лейбниц сформулировал идею бессознательного ума. Этот его аспект впоследствии экспериментально исследовал З. Фрейд, введя в строгий научный оборот термин «бессознательное»; А. Бергсон обосновал определяющую роль интуиции в выдвижении новых научных гипотез, философских и художественных идей, а также сопровождающих этот процесс таких психологических состояний, как вдохновение, экстаз, творчество.

Мыслительная деятельность человека — это тот аспект активности сознания, который связан с производством мыслей в виде образов, оценок, символов, знаков, понятий, идей, их комбинаций и последовательностей. Эта деятельность полифонична. Ее «продукты» имеют двойную материальную детерминацию: с одной стороны, — физико-химическую и нейрофизиологическую, а с другой — языковую. Последняя, в свою очередь, является производной от социального и культурного бытия человека, меры освоения им социокультурного опыта человечества. В мыслях фиксируются знания, содержатся ценностные представления и оценки. Мыслительная деятельность человека, далее, детерминирована влияниями со стороны его психики «снизу» и «сверху» («Ид» и «Суперэго», по Фрейду). Другими словами, инстинктами, вытесненными влечениями, забытым травмирующим опытом, комплексами неполноценности, формами психологической защиты, с одной стороны, и импульсами вдохновения, энтузиазма, озарения, творчества — с другой.

И вот только в этой сложнейшей комбинации взаимодействий различных переменных (их конфигурация у каждого индивида своя), вспыхивают «кванты» сознания, которые мы называем мыслями. Мысли (а пока мы бодрствуем, они продуцируются в нашей голове постоянно) — это наш внутренний свет (или ад). Продолжается мыслительная активность человека и во сне. Особенно когда речь идет о снах со сновидениями. Однако в этих случаях она, чаще всего, связана с переработкой содержания бессознательного. Образы, фантомы и сюжеты, всплывающие в сновидениях, часто являются иносказаниями, причем нередко важными. Вот почему в прошлом толкование сновидений считалось исключительно серьезным делом. Сегодня этим занимаются профессиональные психологи и психиатры, стремясь помочь людям решать их душевные проблемы. Сложнее обстоит дело с пониманием мыслительной деятельности в снах без сновидений и бессознательных состояниях. Есть некоторые основания полагать, что в подобных состояниях активность и энергия мозга направлены на обеспечение максимально эффективного функционирования периферической нервной системы и решения внутриорганизменных проблем.

Мозг человека работает с установленной эволюцией скоростью. Так, электрохимические сигналы от одного нейрона к другому передаются медленно, в лучшем случае не быстрее 200 м/с. Однако он может функционировать и в режиме быстрого действия (об этом тоже позаботилась природа), используя возможности (механизмы) ассоциаций, интуиции и бессознательного. Результатом работы мозга в таких режимах часто бывает нечто новое, не бывшее прежде, не выводное и не исчисляемое. Оно возникает в виде *произведения* (искусство), *откровения* (религия), *теории* (наука), *идеи* (философия), *изобретения* (техника),

артефакта (производство), *социального института* (общество), *социальной нормы* (мораль, право) и т. д.

Ум, как было отмечено выше, является полифоничным, обладает внутренним разнообразием и проявляет себя, функционируя в разных режимах. Важнейшая его ипостась (модус) — интеллект. Интеллект (в истории философии его обычно именовали рассудком) — это универсальный ресурс человека, обеспечивающий приспособление *Homo sapiens* к обстоятельствам среды (в широком смысле, включая языковую, знаковую, виртуальную, ирреальную etc). В этом качестве его истоки восходят к психике животных. Адаптивная функция их психики (ядром которой являются инстинкты) направлена на решение витальных проблем в ситуации «здесь и теперь». И в этих действиях, несомненно, просматривается определенный интеллект. Он обнаруживается у высших животных, в частности, в стремлении к укреплению социальных связей, ролевом поведении, целенаправленном манипулировании предметами, играх и охоте. Интеллект человека задачи адаптации реализует в контексте работы всех звеньев («элементов») мыслительного процесса, имея целью не только поиск адекватных ответов на вызовы среды (природной, социальной, культурной, психической и т. д.), но и их предвидение, оценку последствий. Эта работа опосредована языком и осуществляется в тесном взаимодействии индивидов друг с другом. И, что важно подчеркнуть, при этом используется «внешняя память», т. е. опыт предыдущих поколений, зафиксированный на различных носителях. Интеллект обеспечивает человеку возможность сущностного постижения действительности (т. е. познания причин и следствий, законов мироздания), включая и его самого. Отличительными свойствами «чистого» интеллекта человека являются: абстрактное мышление, целеполагание, предвидение. А универсальными мыслительными (логическими) операциями принято считать анализ, синтез, сравнение, абстрагирование и обобщение.

Второй модус ума — память. Она обеспечивает кодирование и хранение в нейродинамических структурах мозга информации о прошлом опыте. Бывают случаи амнезии (потери памяти). В этих ситуациях человек утрачивает понимание собственной идентичности. Третий — воображение. Воображение — это способность ума к свободной игре образами, идеями, понятиями и символами. Воображение дает индивиду возможность рекомбинировать действительность (т. е. прошлое, настоящее и будущее) без всяких ограничений. Четвертый связан с ассоциативным мышлением. Последнее проявляет себя двояким образом. Во-первых, оно играет важную роль в процессах повседневности, «подсказывая» человеку (часто абсолютно случайно) способы решения проблем как бы по аналогии. Целенаправленное использование аналогии в качестве метода познания в науке именуется математической гипотезой. Во-вторых, ассоциативное мышление обнаруживает себя в виде мельтешения мыслей, «болтанки» ума. Эта болтанка отнюдь не безвредна. Погруженность ума в хаос собственных мыслей нередко ведет к его расстройству и более того — к психическим и даже соматическим заболеваниям. Еще один — шестой — модус ума связан с пониманием, т. е. способностью человека к постижению смыслов, значений и ценностей, состояний другого человека. Седьмой обнаруживает себя во внутренней амбивалентности ума, его диалогическом характере. Диалог — способ, механизм создания индивидом собственных

смыслов, уникальных квалиа, его развития в горизонте личности. Качество внутреннего диалога определяется психическим здоровьем и интеллектуальной культурой личности. Еще один (восьмой) аспект именуется рефлексией. Рефлексия (рефлексивность) — это «способность, приобретаемая сознанием (т. е. умом — В. М.), обращать его на себя, овладевать собой как объектом, наделенным своей особой последовательностью и ценностью, и не просто знать, но знать, что знаешь это» [16, с.161]. Рефлексия лежит в основе самооценки и самокритики, т. е. способности человека к адекватному самовосприятию. Наконец, есть и еще одно проявление ума, для обозначения которого в западной философской традиции пока нет устоявшегося имени. Нередко его называют интуицией. Или употребляется слово мистика, но, как правило, с оттенком отрицательной коннотации. И немудрено, ибо последним аргументом мистика является сентенция: «Бог вложил это в мою голову, но я не могу вложить это в ваши». В Индии его называют читтой. Читта — это чистый ум, ум, не отягощенный памятью и кармой. В сущности то же имел в виду и Плотин: «В видении бога то, что видит — это не разум, а нечто большее, и предшествующее ему, нечто предполагаемое разумом и объект видения его» [10, с. 44]. Русский философ П.А. Флоренский образно описывал это состояние ума как «зияющие трещины человеческого рассудка, сквозь которые видна бывает лазурь Вечности» [13, с. 137]. Туманно. Но благодаря этим «трещинам» ума случаются великие прозрения и появляются творения, о которых речь шла выше.

Набросанный выше абрис мыслительной деятельности и «моментов» человеческого ума весьма схематичен и фрагментарен. Однако и сказанного достаточно, чтобы сделать заключение о сложной, нелинейной, синергичной, связанной с бытием универсума (материальным, социальным, культурным, божественным) природе ума. Ум просвечивает в жизни тела, игре чувств, всплесках бессознательного, волевом усилии, полете фантазии, борьбе мотивов, безмолвии медитации, муках творчества, интуитивном озарении, рутине привычек... Где-то «внутри» обустроивается, обживаетея и ведет человека по жизни интеллект. Интеллект (рассудок) — это «рабочее тело» ума. «Интеллект — это способность фабриковать неорганизованные, т. е. искусственные орудия... Главной функцией интеллекта будет поиск средств выхода из затруднений при любых обстоятельствах... Функцией интеллекта является установление отношений... Интеллект характеризуется естественным непониманием жизни» [1, с. 164, 165, 177]. Это выдержки из труда французского философа Анри Бергсона «Творческая эволюция». Его анализ ума в аспекте соотношения интеллект-интуиция является классическим, хотя многое в научном понимании когнитивных способностей человека и его мозга с тех пор изменилось. Принципиально важно в данном случае подчеркнуть то различие (в контексте нашего анализа излишне контрадикторное), которое мыслитель усматривает между интуицией и творчеством с потенциалом интеллекта (градациями работы ума). Это различие, даже противопоставление делает интеллект как-то доступнее пониманию, он практичен, инструментален, ориентирован на решение конкретных проблем разной степени сложности. Его можно поэлементно изучать и, поняв механизм, превратить в искусственное орудие.

Формально-логические принципы его функционирования начали изучаться еще в античные времена. С развитием математики, математической логики

и вычислительной техники оказалось возможным имитировать его работу. В итоге сегодня мы имеем дело с различными системами искусственного интеллекта. Избитым штампом является сравнение мозга с компьютером. Hardware (элементная база) и software (программное обеспечение) компьютеров выдаются за некий аналог работы нейродинамических структур мозга с фантастическими объемами и потоками информации по обеспечению полноценного бытия человеческой личности. Но это весьма условное уподобление. Будучи продуктом природной эволюции, социализации и культурации, человеческий мозг, как неустанно повторяет в своих публикациях и выступлениях проф. Т.В. Черниговская, в плане современного понимания его структуры, принципов организации и функционирования — это *tabula rasa*. «Мозг — сложнейшая нейронная сеть. Если размотать нейронные связи, они растянутся на 2,8 миллиона километров. Этого расстояния достаточно, чтобы 68 раз облететь Землю или семь раз слетать на Луну. Мозг нам не по мозгам, нам не справиться с этой системой. Суперкомпьютер по сравнению с ней — анекдот» [14]. Возможно, данное утверждение звучит несколько эмоционально и даже пессимистично.

Важно, однако, другое: только в теории можно говорить о мыслительной деятельности человека как чисто гносеологическом процессе в его строго логическом виде. Логически чисто «мыслят» компьютеры. Но их «мышление» — это калькуляция, перебор вариантов, исчисление, работа алгоритмов в рамках заданной программы. Плюс быстрое действие. Сегодня, однако, к перечисленным «способностям» машинного интеллекта добавляется еще кое-что. Так, в официальном российском документе искусственный интеллект определяется как «комплекс технических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая *самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма* — выделено мною В. М.) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» [12]. Процесс развития искусственных интеллектуальных систем идет сегодня семимильными шагами. В разных странах разрабатываются национальные стратегии исследования и конструирования искусственного интеллекта. В их рамках разрабатываются программы, позволяющие искусственному интеллекту самообучаться, самоусложняться, а, в перспективе, принимать автономные решения и конструировать себе подобных, причем более совершенные образцы. Интеллектуальные самообучающиеся программы типа Alpha Zero, используя «искусственную интуицию» в противовес жесткой переборной логике, сегодня легко обыгрывают чемпионов по шахматам, го, играм в сеги и покер. Полномасштабное развитие искусственного интеллекта прогнозировать сложно. Пока создаются, в принципе, запрограммированные продукты и инструменты, т. е. то, что от него «ждут». Однако не исключено, что в будущем определяющий вектор данного процесса не обязательно будет связан с копированием и воспроизведением принципов функционирования нейронных сетей человеческого мозга.

Как бы там ни было, искусственный интеллект входит в жизнь людей все решительнее — через «умные» гаджеты и вещи, роботов-сиделок, нянек, уборщиков, секретарей, ботов, «хирургов», переводчиков, автопилотов и т. д. Роботы не только постоянно «умнеют» и становятся все более многофункциональными и квалифицированными, но и проявляют черты «эмоционального

интеллекта». По некоторым оценкам, ожидается, что благодаря внедрению этой «нетрадиционной рабочей силы» рост мировой экономики в 2024 г. составит не менее 1 трлн долларов США.

Ф. Ницше как-то заметил, что в человеке слишком много человеческого, и этот недостаток должен быть преодолен. Правда, немецкий философ имел в виду человека же, но в ипостаси сверхчеловека. Однако важна идея. Сегодня она наполняется иным содержанием. Развитие человеческого сознания и разума — это сложный и трудоемкий процесс. Чтобы дремлющие в глубине индивида задатки развились в способности, для этого нужно удачное стечение самых разных обстоятельств, и, естественно, его собственные усилия. Но задачу можно упростить, имплантировав в мозг добровольцев (такие всегда найдутся) соответствующий чип. И какие-то функции мозга (и тела) вполне могут быть интенсифицированы. Но в этой связи нужно отметить следующее. Любой технический проект имеет три аспекта: не противоречит ли его замысел законам природы; существуют ли (в принципе) технологические возможности его реализации; и насколько он целесообразен. Современные научные представления и конвергентные технологии делают идею сверхчеловека (человека-робота, киборга) вполне реальной перспективой. Но без ответа остается последний пункт «техзадания»: насколько он целесообразен с точки зрения перспектив бытия вида *Homo sapiens*? Никто не скажет «за всю Одессу». Но, думается, многие были бы не против превратиться в сверхлюдей, «сверхчеловеков», или *posthomo*. Интеллект ставит задачи и отыскивает, изобретает средства решения проблем. Ум смотрит на мир шире. Сфера его компетенции — постижение и понимание человеческого бытия во всем его многообразии как образа и подобия божьего (смыслы могут быть разными, но важна суть). Эволюция (промысел?) вынесла человека на биологическую вершину, с высоты которой он, став существом разумным, узрел новые горизонты и обрел божественные возможности. Возможности творца. Но, созидая собственный мир, и перекраивая окружающий, он, по сути, часто не ведает, что творит. И, не замечая того сам, оказывается в пещере. Той самой, описание которой находим в «Государстве». По Платону, пещера олицетворяет собой мир, в котором живут люди. В качестве ее узников они полагают, будто знают истинную реальность. Однако такое их мнение — всего лишь иллюзия. Они живут в мире теней и отблесков подлинного мира, свет от которого идет от входа в пещеру. Но, увы, сам по себе он их не интересует [8, с. 295–300]. Ощущение, что великий мыслитель говорит о современных людях, погружившихся в виртуальную реальность и убежденных, что это и есть сама жизнь. И с все большим энтузиазмом отворачивающихся от света и истины.

Наше время — время переоценки ценностей и сведения счетов с прежними «идолами». В числе их, как это не парадоксально звучит, — и естественный (раз)ум. Да, именно так. На фоне упований на чудодействия искусственного интеллекта идет процесс умаления собственно человеческого ума. Но здесь важно понимать нюансы. Бунт против рассудочного разума (интеллекта) поднялся еще в XIX–начале XX в. (романтизм, философия жизни, фрейдизм). Далее эту кампанию продолжили экзистенциализм, философская антропология. В его основе лежала интуиция полифоничности, многомерности ума. Сегодня вопрос ставится по-другому. Постмодернисты отвергают любые водоразделы

и границы в системах знаний и оценок. В искусстве этот бунт проявляется в борьбе с формой, связанностью, структурой, гармонией, смыслом. Аляповатость, бессмыслица, убожество выдаются за «самовыражение художника». Само искусство именуется теперь «арт-практиками». Важнейшая его функция — эстетическая — воспринимается как пережиток прошлого. Авторитет традиций, норм «практического разума» (морали) тает и испаряется буквально на глазах. Разум подвергается атакам и со стороны самой науки. Прежде всего, наук о мозге и когнитивных наук [4, с. 18]. Критика идет с позиций редукционизма. Утверждается, что наши познавательные способности ориентированы не на открытие истины, а лишь на то, чтобы обеспечить конкурентные преимущества в жизненных ситуациях. И в этом смысле особых отличий у Номо от его младших братьев не существует. Если нам удастся узнать свойства нейронов и их взаимодействия, то поймем, что такое сознание. Дискредитация, или, мягче, умаление критериев разумности в самовосприятии и самооценке Номо самого себя ставит под сомнение адекватность восприятия и оценку им и самой действительности.

Сказанное лишний раз подтверждает тезис о необходимости появления нового антропологического проекта — системы ценностей, которая была бы связана с современным пониманием человека, его места и предназначения в мире и, что важно, основана на принципе целостности его натуры и ума. Интеллект — инструмент. Если он сложный (искусственный интеллект), то для пользования им нужны не только профессиональные знания, но и мудрость ума. Мудрость Номо sapiens.

В контексте вышеизложенного особую актуальность приобретают извечные педагогические вопросы — «кого, чему и как сегодня учить». Ответы на них ищут правительства, работодатели, корпорации, университеты. Причем поиск ведется как официальными образовательными структурами, так и энтузиастами-неформалами. Сегодня широко известна финская модель педагогического процесса, главная идея которой — обучение и воспитание детей в гармоничной и развивающей среде. В рамках практик неформального образования ставка делается на поиск, выявление и культивирование талантов. В правительственной инициативе Нидерландов «Все возможности для каждого ребенка» обучение идет по линии интеграции традиционного и неформального образования. В так называемых общественных школах дети наряду с освоением учебной программы активно участвуют в общественно-полезной работе, связанной с оказанием услуг лицам с ограниченными возможностями. Все большую популярность получают модели сопровождения молодых людей от школ к вузам и рабочим местам. В их основе — выстраивание индивидуализированных треков обучения. Для управляемого осуществления и поддержания цифровой трансформации европейского сообщества разработана семилетняя программа повышения квалификации работников. Этот момент особенно важен в контексте проблемы амортизации человеческого капитала. Речь о том, что люди болеют, стареют, их знания и профессиональные компетенции устаревают. Особенно в Hi-tech отраслях. Процесс и результаты такого рода масштабного проекта, думается, должны отслеживаться, изучаться и в наших странах. Внутрифирменной профессиональной подготовкой и переподготовкой специалистов занимаются специальные подразделения крупных

компаний — корпоративные университеты. По некоторым оценкам, в современном образовательном пространстве бизнеса таких университетов в мире более 4000. В РФ и РБ с их жесткими «вертикалями» и административным контролем подобного рода эксперименты затруднены.

Из изложенного следует, что приоритет инновационных поисков связан с идеей понимания образования как «территории опережающего развития» личности, т. е. культивирования задатков и способностей человека в соответствующей предметно развивающей среде. Среди прочих ее факторов решающая роль, без всякого сомнения, должна принадлежать учителю, педагогу. Хотя тут же напрашивается вопрос: а кто, где и по каким методикам должен его готовить? В «финской модели» образования эта задача как-то решается, а социальный статус педагога является одним из самых высоких в национальном «табеле о рангах». Ставка же исключительно или главным образом на цифровые технологии, дистанционное обучение представляет собой, по сути, форму педагогического редуционизма. «Оцифровать» мозг и психику молодых людей под специальность несложно. К такой перспективе они уже давно подготовлены. Процесс цифровой социализации личности начинается сегодня чуть ли не с младенчества. Широко известны и связанные с нею последствия и предупреждения. Как справедливо утверждает А.И. Герасимова, «Алгоритмизация в школьном и вузовском образовании грозит роботизацией сознания, утратами навыков и приобретений долгой когнитивной эволюции. Есть риск утраты соотношения между искусственно-инструментальным и естественным» [3, с. 71]. Проблемы Google generation множатся как снежный ком: они касаются внимания, памяти, сосредоточения, общения. Internet addiction на психофизиологическом уровне выглядит как зависимость от алкоголя или наркотиков. Однако особо следует акцентировать «языковую проблему» — скукоживания тезауруса молодых пользователей Сети до сленга и мата. С ней связана одна фундаментальная истина образования, высветленная развитием современных наук о мозге. Чтобы учить с пониманием — надо знать, как работает мозг. Понятно, что это задача не из простых. Для педагога важны в данном плане семиотические аспекты его функционирования, т. е. способность мозга к порождению смыслов и знаковых систем. Принципиальное значение здесь имеет язык. Н. Хомски (Chomsky), один из столпов современной лингвистики, утверждает, что язык в процессе антропогенеза «создавался» прежде всего для мышления, а не для коммуникации. Ибо как коммуникативная система он очень несовершенен. Словоупотребление зависит от контекста, а в целом его понимание определяется работой нейросети. Языковая среда — это тот континуум, который активизирует работу нейронных структур мозга, способствует их дифференциации и росту сложности. «Оккупация мозга языком» (выражение ученого-биолога Т. Дикона), их коэволюция и, в конечном счете, семиозис, ярче всего обнаруживаются в поэтическом творчестве. И. Бродский в своей нобелевской лекции говорит об этом событии так: «Поэт есть средство существования языка... тот, кем язык жив». И далее: «Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык подсказывает ему или просто диктует следующую строчку... стихосложение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» [2, с. 764, 765]. Разумеется, поэтом можешь ты не быть. Но человеком быть

обязан. И в этом плане важна погруженность индивида в разнообразные, дополняющие друг друга и стимулирующие внутреннее развитие мозга языковые стихии в учебных классах и аудиториях. Причем речь идет не только о естественных языках, включая иностранные, но и о языках математики, музыки, пластики, поэзии. Каждый из них высвечивает свою грань мира, общества и самой личности. Вот почему образование должно быть «пестрым», как с присущим ей юмором однажды заметила Т.В. Черниговская.

В современных условиях насущным является вопрос о соотношении формирования у наших учащихся так называемых *hard* и *soft skills*. В доставшейся нам от советских времен системы образования (считается, что она была лучшей в свое время) основная ставка делалась на развитие интеллекта и профессиональных компетенций учащихся, но не уделялось должного внимания культивированию инициативности и предприимчивости. Сегодня, говоря словами поэта, «идет другая драма». В инновационной экономике будущее любого социума в существенной степени определяется такими качествами человеческого капитала, как инициатива, деловая хватка, готовность рисковать, креативность и т. д. Вместе с тем, согласно социологическому опросу граждан Беларуси в 2018 г., 23,6 % респондентов связывали образование с перспективой материального благосостояния; 31,4 % усматривали его ценность в содействии развитию ума и способностей, и только 5,5 % опрошенных ценность образования видели в содействии развитию инициативы [6, с. 143].

Принципиальное значение имеет также фокусировка образования на культуре и психологии, формировании направленности сознания личности. Или, другими словами, ее мировоззрении, ценностных ориентациях, потребностно-мотивационной сфере и, как говорилось выше, установках на инновационные действия. Образование обычно понимается как институализированный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, направленный на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося. Такое определение содержится, в частности, в «Кодексе об образовании» Республики Беларусь. Из приведенной дефиниции следует, что образование реализуется через обучение и воспитание. Обучение связано с овладением учащимися кругом знаний, очерченных программой, и выработкой у них необходимых профессиональных компетенций. На это и делается основная ставка в школе и вузе. Задачи воспитания иные. Хочу это особо подчеркнуть. Воспитание — это целенаправленный процесс формирования у индивида социально ценных и личностно значимых качеств в соответствии с существующими в данном обществе представлениями об идеальном типе человека. Эти представления корнями уходят в историю народа, запечатлены в его фольклоре, традициях, памяти о подвигах национальных героев, произведениях деятелей культуры, образах искусства, имиджах успешных современников, идеологии государства и т. д. Воспитание, в отличие от обучения, выполняет гражданскую и культурную функции и нацелено на формирование моральных качеств индивида, его эстетического отношения к миру, его гражданской позиции, умения жить среди людей, способности осознанно самоопределяться в многообразии политических идеологий и программ, т. е., коротко говоря, — на формирование не только интеллектуальной, но и социогуманитарной культуры

личности. Свой «вклад» в этот процесс так или иначе вносят все изучаемые дисциплины. Однако для наук об обществе, культуре и человеке эта задача является приоритетной. Социально-гуманитарные знания обладают только им свойственной спецификой, которая реализуется в процессах образования. Во-первых, они связаны с ценностями, интересами и идеологиями. В разных обществах ценностно-смысловые картины мира различны, и поэтому нужно уметь «вписать» в них научные знания. Во-вторых, эти знания могут сопрягаться с эмоционально-чувственным строем личности и превращаться в ее убеждения. В-третьих, социально-гуманитарные знания являются важным компонентом общей культуры человека, обнаруживаясь в его эрудиции, речи, способах общения, поведении, культуре мышления, паттернах эмоциональных реакций. В-четвертых, гуманистический эффект социогуманитарного образования состоит в развитии тех «сущностных сил человека» (Маркс) которые позволяют ему выходить за пределы своих эгоистических интересов и осознавать, отстаивать «общее благо». В-пятых, дисциплины о человеке и культуре призваны содействовать формированию и развитию soft skills, «мягких умений» (т. е. социальных, коммуникативных, волютивных и эмоциональных качества) личности. Наконец, социально-гуманитарные компетенции человека принципиально важны, с точки зрения формирования гражданской позиции человека. Информационная среда сегодня переполнена фейками и дезинформацией. Критически оценить ее под силу только человеку сведущему, способному к рефлексии. И как общий знаменатель: социально-гуманитарная культура личности формирует тот аспект индивидуального бытия, который, говоря языком Хайдеггера, позволяет Dasein (наличному бытию) прийти к Selbst-Sein (само-бытию) и тем самым вырваться из-под власти Man (Некто, т. е. зомбированной массы).

Таким образом, вопрос о «переоценке ценностей» современных образовательных практик следует ставить и интерпретировать комплексно. Педагогический процесс — это процесс формирования не только интеллекта и компетентностного потенциала личности, но и ее ума в широком смысле этого слова, ее социокультурных, психологических и деловых качеств. Подобное видение проблемы диктуется вызовами нашего времени — повсеместным внедрением инновационных и цифровых технологий, масштабной социальной и профессиональной мобильностью, возрастающими индивидуальными возможностями человека. Это с одной стороны. А с другой — множатся риски, социальное и индивидуальное бытие становится все менее определенным и предсказуемым. Точку опоры в конечном счете каждый может найти только в себе. И быть. Или не найти. И не быть. Вот почему, рассматривая систему образования как целое, выделяя в ней различные аспекты и измерения (экономические, профессиональные, технологические, социальные, педагогические, и др.), анализируя их, важно видеть фокус, в котором они должны сходиться. Таковым, на наш взгляд, должна быть идея культивирования и развития свободной личности, формирования и обогащения конкурентоспособного человеческого капитала как естественного гаранта безопасности и устойчивого развития страны.

В заключение еще раз сместим оптику нашего анализа на более широкую перспективу дискурса. М. Хайдеггер, размышляя над ситуацией своего времени,

в работах разных лет часто приводил слова немецкого поэта-романтика начала 19 в. Гельдерлина: «где опасность, там кроется и спасительное». Сегодня «опасность» приобретает тотальный характер. Как и в каком облики может явиться «спасительное»? Ответ на этот вопрос, представляется, и должен быть лейтмотивом свободного поиска и диалога в рамках антропологического проекта XXI века. В диалоге рождаются смыслы и взаимопонимание. Хотелось бы, чтобы этот процесс шел под знаком разума, гуманизма, мирной борьбы идей. Но из истории памятно другое: новое почти всегда и везде являлось из кровавой купели войн, гражданских усобиц, революций, сопровождалось казнями еретиков и изгнанием пророков, преследованием глашатаев новых истин. Еще вчера казавшаяся утопической идея Хантингтона о грядущем столкновении цивилизаций сегодня материализуется на наших глазах. Ситуация цвишенизма, в которую погружается современный мир, со всей определенностью выдвигает на первый план проблему бытия человека во всем многообразии ее экзистенциальных проявлений. От ее решения, еще раз вспомним Леви-Стросса, будет зависеть судьба XXI века.

Список литературы

1. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой. Москва: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 384 с.
2. Бродский И.А. Сочинения. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. 773 с.
3. Герасимова А.И. Цифровые технологии: реалии и кентавры воображения // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 65–76. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-65-76
4. Гусейнов А.А., Смирнов А.В. Институт философии как учреждение и общественный институт // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 5–21. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-11-5-21
5. Зенков А.Р., Удовиченко И.П. Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектория формирования и развития // Общественные науки и современность. 2021. № 4. С. 7–19. DOI: 10.31857/S086904990015966-4
6. Костюкевич С.В. Ценности образования, человеческий капитал и инновационная экономика // Социологический альманах. 2021. № 12. С. 142–148.
7. Марков А.В. Квантификация конкурентоспособности. Беларусь // Иппокрена. 2019. № 1. С. 53–77.
8. Платон. Государство // Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; под ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Москва: Мысль, 1995. 654 с.
9. Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. Москва: Международные отношения, 2018. 1596 с.
10. Радхакришнан С. Индийская философия. В 2-т. Т. I. Санкт-Петербург: ТОО Стикс, 1994. 643 с.
11. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Минск: Беларуская навука, 2021. 539 с.
12. pravo.gov.ru [Internet]. Указ Президента Российской Федерации №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 года [дата обращения: 5.02.2022]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102608394>
13. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православ. теодицеи в двенадцати письмах. Москва: Лепта, 2002. 812 с.
14. youtube.com [Internet]. Черниговская Т.В. [дата обращения: 4.01.2022]. Режим доступа: <https://youtu.be/dWLOqqIxpPQc...>
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. Левиной. Москва: Республика, 1997. 527 с.

16. de Chardin P.T. *The Phenomenon of Man*. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2008. 325 p.
17. Harari Y.N. *Homo Deus. A brief history of tomorrow*. London: Vintage, 2017. 513 p.

References

1. Bergson A. *Tvorcheskaya ehvolyutsiya*. Flerova V., transl from french. Moscow: KANON-press, Kuchkovo pole, 1998. 384 p. (In Russ.)
2. Brodskii IA. *Sochineniya*. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2002. 773 p. (In Russ.)
3. Gerasimova IA. Digital technologies: reality and centaurs of imagination. *Voprosy filosofii*. 2021;(10):65–76. (In Russ.) DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-65-76
4. Guseynov AA, Smirnov AV. Institute of philosophy as a state organization and social institution. *Voprosy filosofii*. 2021;(11):5–21. (In Russ.) DOI: 10.21146/0042-8744-2021-11-5-21
5. Zenkov AR, Udovenko IP. Human capital for a new technological paradigm: trajectories of formation and development. *Social sciences and contemporary world*. 2021;(4):7–19. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086904990015966-4
6. Kostjukevich SV. Values of education, a human capital and the innovative economy: about the balance of intellectual skill and economic initiative. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2021;(12):142–148. (In Russ.)
7. Markov AV. Kvantifikatsiya konkurentosposobnosti. Belarus'. *Ippokrena*. 2019;(1):53–77. (In Russ.)
8. Losev AF, Asmus VF, Takho-Godi AA, editors. *Platon. Gosudarstvo. Sobranie sochineniy v 4 t. T. 3*. Translate from Ancient Greek. Moscow: Mysl', 1995. 654 p. (In Russ.)
9. Podberezkin AI. *Sostoyanie i dolgosrochnye voenno-politicheskie perspektivy razvitiya Rossii v XXI veke*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. 1596 p. (In Russ.)
10. Radkhakrishnan S. *Indiiskaya filosofiya. V 2-t. T. I*. Saint Petersburg: TOO Stiks, 1994. 643 p. (In Russ.)
11. Stepin VS. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya ehvolyutsiya*. Minsk: Belaruskaya navuka, 2021. 539 p. (In Russ.)
12. pravo.gov.ru [Internet]. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii №490 «O razvitiu iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii» ot 10.10.2019 goda* [accessed: 5.02.2022]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102608394> (In Russ.)
13. Florenskii PA. *Stolp i utverzhenie istiny: Opyt pravoslav. teoditsei v dvenadtsati pis'makh*. Moscow: Lepta, 2002. 812 p. (In Russ.)
14. youtube.com [Internet]. *Chernigovskaya TV* [video] [accessed: 4.01.2022]. Available at: <https://youtu.be/dWLOqqIxpPQc...> (In Russ.)
15. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii*. Levina M., translate from deutch. Moscow: Respublika, 1997. 527 p. (In Russ.)
16. de Chardin P.T. *The Phenomenon of Man*. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2008. 325 p.
17. Harari YN. *Homo Deus. A brief history of tomorrow*. London: Vintage, 2017. 513 p.

Информация об авторе

Владимир Иосифович Миськевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики радиоэлектроники, Минск, Республика Беларусь. E-mail: uladzimirmis781@gmail.com

Information about the author

Vladimir I. Miskevich, Ph.D., Associate Professor, Department of Philosophy, Belarusian State University of Information and Radioelectronics, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: uladzimirmis781@gmail.com